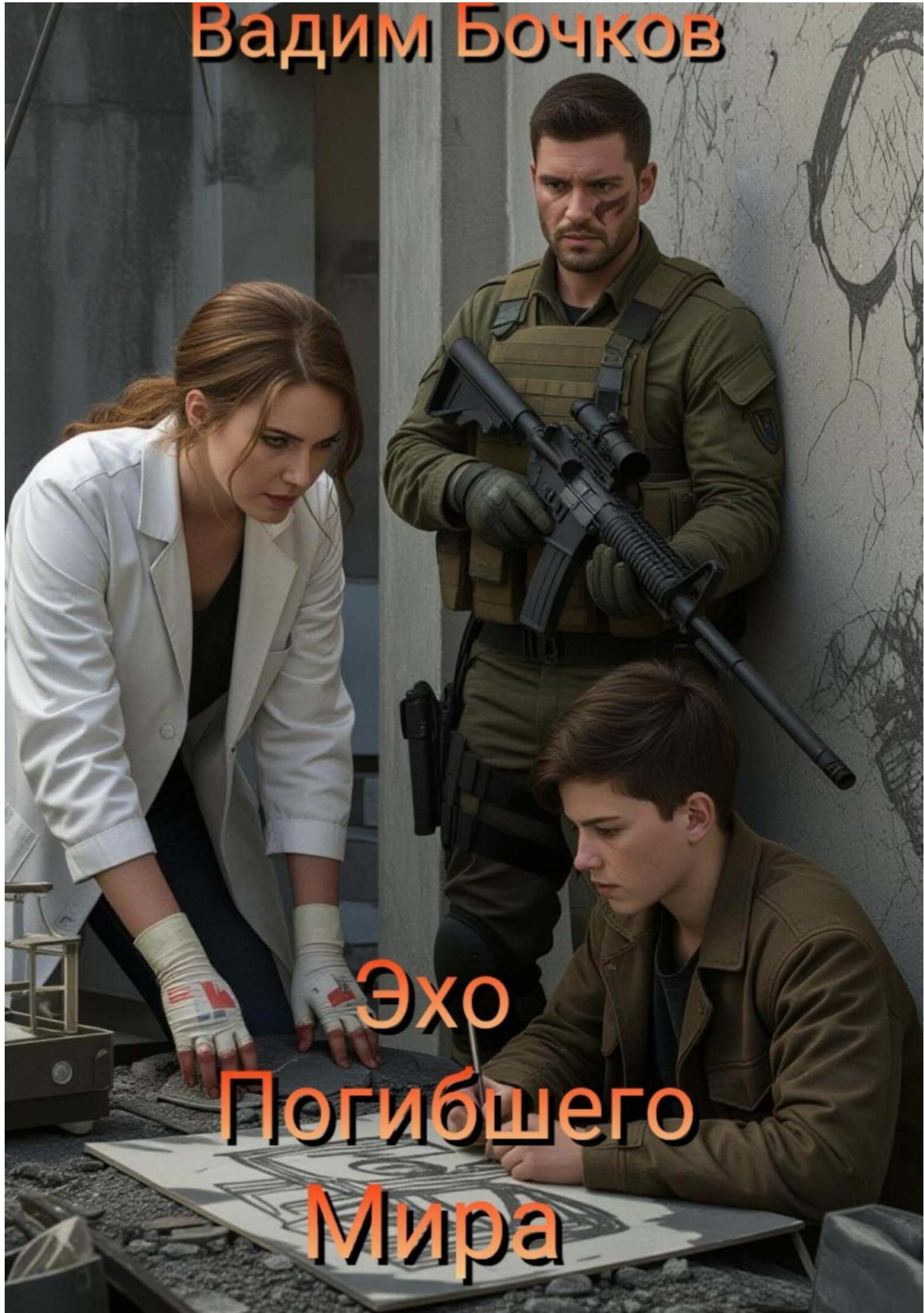

Вадим Бочков

Эхо
Погибшего
Мира

Вадим Бочков

Эхо погибшего мира

«Автор»

2025

Бочков В.

Эхо погибшего мира / В. Бочков — «Автор», 2025

После конца света они остались поодиночке. Учёная, запутавшаяся в собственной вине. Солдат, измученный воспоминаниями о зверствах войны. Художница, пишущая портреты из ржавчины и пепла. И юноша, который разговаривает с манекенами, лишь бы не забыть, что значит дружба. Их пути не должны были пересечься — но одна случайная схватка с мародёрами связывает их жизни воедино. Вместе они находят «спасение» — военную колонию, где выживание оплачивается жестокостью и подчинением. Теперь каждый из них стоит перед выбором: предать других ради собственной безопасности или бросить вызов диктатуре и заплатить за это жизнью. «Эхо погибшего мира» — мрачная, напряжённая история о том, что даже в мире, лишённом надежды, остаётся сила, ради которой стоит бороться — сила быть вместе.

© Бочков В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Осколки прежнего мира	5
Глава 2. Кровавое пробуждение	11
Глава 3. Аптечное исповедание	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вадим Бочков

Эхо погибшего мира

Глава 1. Осколки прежнего мира

Флуоресцентные лампы мерцали над головой Лейлы подобно умирающим звездам, отбрасывая холодный, неестественный свет на стерильные поверхности импровизированной лаборатории. Бывшее детское отделение больницы превратилось в храм науки и отчаяния, где каждый инструмент был освящен кровью надежды и политым слезами раскаяния. Она склонилась над микроскопом, её длинные пальцы дрожали едва заметно, когда она регулировала фокус объектива, наблюдая за клетками, которые когда-то принадлежали семилетнему мальчику по имени Тимоти.

– Прости меня, малыш, – прошептала она на русском языке, её голос эхом отражался от кафельных стен. – Я знаю, что ты бы простил меня, если бы понимал. Твоя мама тоже простила бы.

Фотография её мужа Алексея наблюдала за ней с полки, заваленной гниющими медицинскими журналами. Его тёплые карие глаза казались живыми в мерцающем свете, и Лейла могла поклясться, что видела, как они моргают от разочарования. Алексей всегда говорил, что наука должна служить жизни, а не питаться смертью. Но мир изменился. Правила изменились. И Лейла изменилась вместе с ними.

Она погрузила предметное стекло в раствор метиленового синего, наблюдая, как краситель медленно проникает в мёртвые ткани. Под микроскопом клетки выглядели как разбитые окна – структуры разрушены, мембраны порваны, ядра растворились в хаосе. Вирус не просто убивал; он переписывал саму суть биологии, превращая порядок в первобытный хаос.

– Что ты со мной сделал? – спросила она у невидимой угрозы, которая превратила её мир в руины. – Как ты можешь быть таким красивым и таким разрушительным одновременно?

Её руки автоматически тянулись к следующему образцу, но внутри неё что-то сопротивлялось. Это была ткань печени взрослой женщины, чьё тело она нашла вчера в коридоре родильного отделения. Женщина умерла, сжимая в руках детские носочки цвета морской волны. Лейла положила носочки рядом с фотографией Алексея – маленький алтарь невинности в храме научной необходимости.

Часы на стене тикали с металлическим постоянством, каждый звук резал тишину как скальпель. Лейла знала, что время работает против неё. Каждый день без прорыва означал больше смертей, больше разрушений, больше детских носочков, оставленных в пустых коридорах. Но каждый образец, который она изучала, каждая клетка, которую она препарировала, отдаляла её ещё дальше от человека, которым она когда-то была.

Она подняла пробирку с кровью к свету, наблюдая, как тёмно-красная жидкость медленно вращается. В этой крови могли быть ответы. Или новые проклятия. Наука не различала добра и зла – она просто существовала, холодная и непредвзятая, как смерть.

– Алёша, – прошептала она, используя ласковое имя мужа, – помоги мне найти правильный путь. Я боюсь, что теряю себя в этой работе. Боюсь, что когда найду лекарство, не останется никого, кого стоило бы спасать, включая меня саму.

* * *

В нескольких километрах от больницы Марк Петров методично разрушал остатки цивилизации своими окровавленными кулаками. Продуктовый магазин "Счастливая семья" давно перестал оправдывать своё название – полки были пусты, холодильники отключены, а полусеян осколками разбитых банок и засохшими пятнами неопознаваемого происхождения. Но

Марк знал, что в хаосе всегда можно найти что-то полезное, если достаточно упорно искать и не бояться боли.

Его правый кулак с хрустом врезался в ржавую консервную банку с тушёнкой, металл поддался с визгом, оставив глубокие порезы на костяшках пальцев. Кровь смешалась с ржавчиной, создавая коричневые разводы на его руках, но Марк даже не поморщился. Боль была хорошим знаком – она означала, что он всё ещё жив, всё ещё может чувствовать что-то помимо вины и ярости.

– Ну давай же, сука, – прорычал он сквозь стиснутые зубы, ударив по банке ещё раз. – Не будь такой упрямой.

Банка наконец раскололась, обнажив содержимое, которое когда-то могло быть мясом. Марк понюхал его осторожно – запах был не самый приятный, но не смертельный. В его нынешнем положении это считалось деликатесом. Он засунул банку в свой потёртый рюкзак рядом с остальными находками дня: две банки кукурузы, пакет сухариков и бутылка воды с подозрительным осадком на дне.

Внезапно его руки начали дрожать. Не от усталости или голода – от воспоминаний, которые всегда приходили в самые неожиданные моменты. Деревня. Афганистан. Крики женщин и детей, когда их дома вспыхивали как спички. Запах горячей плоти смешивался с дымом от горящих домов, создавая адский коктейль, который до сих пор преследовал его во сне.

– Нет, – прошептал он, сжимая кулаки до побеления костяшек. – Не сейчас. Только не сейчас.

Но воспоминания не слушались приказов. Он видел лицо молодой афганской женщины, которая просила пощады для своего ребёнка. Видел, как его собственные руки поднимают автомат. Видел вспышку дульного пламени и то, как жизнь исчезает из её глаз. Командир сказал, что это была необходимость. Что они были террористами. Что Марк защищал свою страну.

Но этой женщине было не больше двадцати лет, а в её руках был не автомат, а плюшевый мишка.

Марк ударил кулаком по бетонной стене с такой силой, что почувствовал, как трескаются кости. Боль прорезала туман воспоминаний как молния, возвращая его в настоящее. Кровь стекала по стене тонкими ручейками, и он с мрачным удовлетворением наблюдал, как она капает на пол. Каждая капля была искуплением. Каждая капля была наказанием.

– Я заслуживаю этого, – сказал он вслух, его голос эхом отражался от пустых стеллажей. – Я заслуживаю каждую каплю боли.

Он знал, что это неправда. Знал, что самобичевание не вернёт к жизни мёртвых и не исправит прошлого. Но это было единственное, что он мог сделать. Единственный способ продолжать жить с грузом того, что он совершил.

Марк продолжил поиски, методично проверяя каждый угол, каждую щель, каждое место, где могло скрываться что-то полезное. Его движения были точными, эффективными – результат военной подготовки, которая въелась в его мускулы и кости. Но каждое движение также было актом покаяния, способом направить свою разрушительную энергию на что-то конструктивное.

В дальнем углу магазина, за рухнувшими стеллажами, он нашёл небольшой тайник. Кто-то спрятал здесь запасы – несколько банок, пакеты с крупой, даже бутылку витаминов. Марк на мгновение задумался, стоит ли брать чужие припасы, но реальность была суровой: в этом мире не было места сентиментальности. Выживание требовало жестокости.

– Прости, кто бы ты ни был, – прошептал он, перекладывая найденное в свой рюкзак. – Надеюсь, ты найдёшь мир там, где ты сейчас.

* * *

В разрушенной художественной галерее на другом конце города Анна Смирнова сидела среди обломков некогда прекрасного мира. Осколки разбитых скульптур окружали её как ост-

рые воспоминания, а порванные холсты висели на стенах как кожа с ран. Но в этом хаосе Аня нашла своё убежище, место, где тишина её мира могла слиться с тишиной смерти и создать что-то новое.

Она смешивала пигменты на импровизированной палитре – куске мрамора, отколовшемся от разрушенной статуи. Красный получался из ржавчины водосточных труб, жёлтый – из пылцы цветов, которые каким-то чудом продолжали расти в трещинах между плитками пола. Синий был самым трудным – она делала его из толчёных лепестков васильков, которые росли в парке через дорогу, смешивая их с водой из дождевых луж.

Её кисть двигалась по холсту с уверенностью, которую не могли поколебать никакие катастрофы. Она рисовала лицо своей матери – такое, каким помнила его по фотографиям и рассказам. Мать умерла, когда Ане было три года, слишком рано, чтобы девочка могла запомнить её голос. Но черты лица, форму глаз, линию губ – всё это было выжжено в её памяти как святые мощи.

Аня никогда не слышала голоса своей матери, но она знала, что он был мелодичным. Знала, что когда мать смеялась, её глаза морщинились в уголках. Знала, что у неё были тёплые руки, потому что в детстве, когда ей было страшно, она прижимала к щеке старую фотографию и представляла, как эти руки гладят её по волосам.

– Мама, – беззвучно произнесла она губами, как делала всегда, когда рисовала этот портрет. – Мне так страшно в этом мире. Я не знаю, как быть сильной, как ты.

Её кисть дрожала слегка, когда она прорисовывала детали – маленький шрам над бровью, который мать получила в детстве, родинку на левой щеке, которая была похожа на крошечную звезду. Каждая деталь была священной, каждый мазок – молитвой женщине, которую она любила, но никогда не знала.

Рядом с портретом матери на мольберте стоял другой холст – портрет отца. Его лицо было строже, угловатее, но в глазах читалась такая же нежность. Он умер, когда Ане было семнадцать, от сердечного приступа, который врачи связывали со стрессом от воспитания глухой дочери в одиночку. Аня знала, что это была её вина. Знала, что её неспособность услышать его голос сломала ему сердце.

Она помнила их последний разговор – если это можно было назвать разговором. Он писал ей записки на клочках бумаги, потому что язык жестов давался ему с трудом. "Я люблю тебя, солнышко", – написал он дрожащей рукой в больничной палате. "Ты самое лучшее, что у меня есть". Она хотела ответить ему тем же, но слова застряли в её горле, как всегда. Она только кивнула и сжала его руку.

Теперь она рисовала эту сцену снова и снова, пытаясь найти способ сказать ему то, что не смогла сказать тогда. Её кисть создавала образы слов, которые она никогда не произносила вслух: "Прости меня, папа. Прости, что была такой обузой. Прости, что не смогла быть дочерью, которую ты заслуживал".

Слёзы капали на палитру, смешиваясь с красками и создавая новые оттенки печали. Аня не пыталась их остановить – слёзы были частью её искусства, солью, которая делала цвета более яркими и настоящими.

Внезапно она почувствовала вибрацию в полу – кто-то шёл по галерее. Аня замерла, кисть застыла в воздухе. В её мире звуков не было, но вибрации были её языком опасности. Тяжёлые шаги. Мужчина. Идёт медленно, осторожно. Возможно, не враг, но и не друг.

Она быстро спрятала свои работы за обломки упавшей колонны и взяла в руки осколок разбитого стекла. Её пальцы сжались вокруг импровизированного оружия так крепко, что стекло впилось в кожу, но она не отпустила. В этом мире доверие было роскошью, которую она не могла себе позволить.

Но шаги удалились, и вибрации стихли. Кто бы это ни был, он не нашёл её убежище. Аня медленно выдохнула и вернулась к своей работе. Искусство было единственным, что осталось у неё от человечности. Единственным способом говорить в мире, который перестал слушать.

* * *

В торговом районе на другом конце города Данте Миллер поправлял галстук пластикового манекена с заботливостью хирурга. Витрина магазина мужской одежды стала его гостиной, а манекены – его семьёй. У каждого было имя, история, любимый цвет. Эта была Элисон, и она работала секретарём в большой компании до того, как мир закончился.

– Элисон, дорогая, ты сегодня особенно красиво выглядишь, – сказал Данте, его голос был мягким и искренним. – Этот синий цвет действительно подходит к твоим глазам. Хотя я знаю, что у тебя нет глаз, но если бы были, они были бы голубыми, как летнее небо.

Он отступил, чтобы оценить свою работу, и улыбнулся с детской гордостью. Элисон выглядела респектабельно в своём деловом костюме, готовой к встрече с клиентами или романтическому ужину. Данте любил представлять, что у его друзей-манекенов есть жизни, полные радости и любви, где нет места одиночеству и страху.

– Знаешь, Элисон, – продолжил он, садясь на пол перед витриной, – я сегодня видел собаку. Рыжую, как морковь. Она была очень худая, но всё ещё виляла хвостом, когда увидела меня. Я дал ей половину своего завтрака. Ты бы тоже так поступила, правда? Ты же добрая.

Данте достал из кармана кусок хлеба и начал его есть, медленно жуя каждый кусочек. Еда была драгоценностью, которую нужно было ценить. В учреждении, где он вырос, еда была скудной и безвкусной, но всегда была. Теперь каждый кусок хлеба был даром, за который нужно благодарить.

– Помнишь, как мы говорили о семьях? – спросил он Элисон, наклонив голову набок. – Ты говорила, что семья – это не только люди, которые родили тебя. Семья – это те, кто заботится о тебе и кого ты любишь. Значит, мы с вами, ребята, тоже семья, правда?

Он посмотрел на других манекенов в витрине. Рядом с Элисон стоял Роберт – солидный мужчина в костюме-тройке, который, по мнению Данте, был банкиром и очень любил свою жену. Чуть дальше располагалась Мария – молодая женщина в ярком платье, которая мечтала стать танцовщицей. И наконец, в углу витрины стоял маленький манекен-ребёнок по имени Тимми, который любил мороженое и боялся темноты.

– Роберт, ты сегодня молчаливый, – заметил Данте. – У тебя что-то случилось на работе? Знаешь, иногда деньги – это не самое важное. Важнее быть хорошим человеком.

Данте встал и подошёл к манекену поближе. На его пластиковом лице была трещина – небольшая, но заметная. Данте нахмурился с беспокойством.

– О нет, Роберт, ты поранился! – воскликнул он, осторожно проводя пальцем по трещине. – Как это случилось? Кто-то тебя обидел?

Он знал, что манекены не могли отвечать, но иногда ему казалось, что он видит ответы в их пластиковых глазах. Роберт был грустным – Данте был в этом уверен. Может быть, он скучал по своей жене. Или боялся, что его банк обанкротится.

– Не переживай, дружище, – сказал Данте, обнимая манекена за плечи. – Я позабочусь о тебе. Мы найдём способ починить твоё лицо. А пока ты можешь носить шляпу – она скроет трещину, и ты снова будешь красивым.

Он подошёл к прилавку и нашёл элегантную фетровую шляпу. Осторожно надел её на голову Роберта, отрегулировав угол наклона так, чтобы она скрывала повреждение.

– Вот так намного лучше! – сказал Данте, хлопая в ладоши. – Теперь ты выглядишь как настоящий джентльмен. Элисон, посмотри, как красиво выглядит Роберт в шляпе!

Внезапно он услышал звук разбивающегося стекла где-то неподалёку. Данте насторожился, его детское лицо исказилось от беспокойства. Он знал, что в мире есть плохие люди

– те, кто причиняет боль другим ради развлечения или наживы. В учреждении он встречал таких людей, и они всегда пугали его.

– Не волнуйтесь, – прошептал он своим пластиковым друзьям. – Я вас защищу. Мы же семья, правда? А семья должна заботиться друг о друге.

Он тихо пробрался к задней части магазина, где нашёл старую бейсбольную биту. Данте никогда никого не бил и надеялся, что никогда не придётся, но он знал, что иногда нужно быть сильным, чтобы защитить тех, кого любишь.

Звуки стихли, и Данте осторожно вернулся к своим друзьям. Они стояли на тех же местах, невозмутимые и терпеливые, как всегда. Их постоянство успокаивало его. В мире, где всё менялось каждый день, где люди исчезали без следа, а здания рушились как карточные домики, его пластиковая семья была единственной константой.

– Я думаю, сегодня мы устроим пикник, – объявил он, его настроение снова стало светлым. – Я принесу одеяло, а мы представим, что у нас есть бутерброды и лимонад. Мария, ты принесёшь свою любимую музыку, а Тимми – свои игрушки. Будет замечательно!

* * *

Тем временем в больнице Лейла закончила анализ очередного образца и откинулась на спинку стула. Результаты были обескураживающими – вирус продолжал мутировать с пугающей скоростью, адаптируясь к каждому потенциальному лечению быстрее, чем она могла их разработать. Это было похоже на игру в шахматы с противником, который мог видеть на десять ходов вперёд.

Она посмотрела на фотографию Алексея и почувствовала, как внутри неё что-то ломается. Не в первый раз, но каждый раз это было болезненно, как первый.

– Я не знаю, что делать дальше, – призналась она. – Каждый путь, который я исследую, ведёт в тупик. Каждая теория разбивается о реальность. Может быть, это безнадежно. Может быть, мир действительно кончился, и я просто не хочу это признать.

Её руки дрожали, когда она готовила следующий образец. Это была кровь ребёнка – не старше пяти лет, судя по размеру клеток. Лейла знала, что не должна думать о том, чьи это клетки, как звали этого ребёнка, какие у него были мечты. Наука требовала объективности. Но человечность требовала памяти.

– Прости меня, малыш, – прошептала она, как делала всегда. – Надеюсь, твоя смерть поможет спасти других детей. Надеюсь, что ты не умер напрасно.

В соседнем продуктовом магазине Марк нашёл ещё одну находку – запечатанную банку детского питания. Он долго держал её в руках, рассматривая яркую картинку с улыбающимся младенцем на этикетке. Этот младенец напомнил ему о другом ребёнке – том, которого он убил в афганской деревне. Ребёнок был не старше двух лет, он прятался за юбкой матери, когда Марк вошёл в дом.

– Боже, – прошептал он, сжимая банку так крепко, что металл деформировался под его пальцами. – Что я за чудовище?

Но голод был сильнее вины. Марк открыл банку и начал есть, каждая ложка была актом самоотвращения и необходимости. Еда была безвкусной, но питательной. Он ел и плакал одновременно, слёзы смешивались с детским питанием, создавая солёный привкус раскаяния.

В художественной галерее Аня закончила портрет матери и начала новую работу – автопортрет. Она рисовала себя такой, какой видела в зеркале каждое утро: худой, испуганной, одинокой. Но в её глазах на портрете была искра – что-то, что говорило о том, что несмотря на всё, она всё ещё была жива, всё ещё была способна создавать красоту.

– Я не сдамся, – беззвучно сказала она своему отражению на холсте. – Пока я могу держать кисть, пока у меня есть краски, я буду рассказывать истории. Я буду помнить тех, кого потеряла. Я буду создавать мир, где они всё ещё живы.

А в торговом районе Данте устроил воображаемый пикник со своими пластиковыми друзьями. Он расстелил на полу старое одеяло, которое нашёл в кладовке, и расставил манекенов вокруг него. Элисон сидела рядом с Робертом, держа его за руку. Мария играла с Тимми, а Данте рассказывал им истории о мире, который существовал только в его воображении – мире, где никто не болел, никто не умирал, и каждый день был полон радости и смеха.

– И тогда принцесса поцеловала лягушку, – рассказывал он, – и лягушка превратилась в прекрасного принца. Они поженились и жили долго и счастливо. Как вы думаете, такое возможно в реальной жизни?

Он посмотрел на своих друзей, ожидая ответа, который никогда не придёт. Но в его глазах всё ещё теплилась надежда – детская, наивная, но искренняя вера в то, что сказки могут сбываться.

Четыре души в разрушенном мире, каждая справлялась с одиночеством по-своему. Лейла искала спасение в науке, Марк – в самонаказании, Аня – в искусстве, а Данте – в воображаемой семье. Они не знали о существовании друг друга, но их судьбы уже начинали переплетаться невидимыми нитями. Где-то вдалеке поднимался дым – признак того, что в этом мёртвом мире всё ещё есть жизнь. И угроза.

Ресурсы заканчивались. Припасы истощались. Одиночество становилось невыносимым. Каждый из них стоял на пороге перемен, не зная, что их отдельные миры скоро столкнутся в хаосе выживания и надежды. Их изоляция подходила к концу, и началось что-то новое – опасное, но полное возможностей.

В разрушенном мире, где правила больше не действовали, четыре сломленных души готовились встретить свою судьбу.

Глава 2. Кровавое пробуждение

Торговый центр спал в предрассветных тенях, его сломанные эскалаторы и выпотрошенные витрины скрывали четыре отдельные души, которые искали убежище независимо друг от друга. Утренний свет проникал сквозь разбитые окна верхнего этажа, рисуя золотистые полосы на покрытом пылью полу, где когда-то толпы покупателей спешили за призрачными обещаниями счастья.

Лейла забаррикадировалась в бывшем магазине электроники, используя его узкое пространство и металлические стеллажи для создания оборонительной позиции. Её длинные пальцы, некогда безупречно ухоженные для работы в стерильных лабораториях, теперь покрылись мозолями от постоянных поисков среди обломков цивилизации. Она методично сортировала спасённые электронные компоненты, её проницательный взгляд оценивал каждую деталь на предмет потенциальной полезности для её импровизированных экспериментов. Микро-схемы, резисторы, провода – всё это могло стать частью её отчаянной попытки воссоздать утраченные научные возможности.

«Транзистор P-N-P типа, напряжение пробоя семнадцать вольт», – бормотала она себе под нос, её голос хриловатый от недостатка сна и постоянного напряжения. Научная терминология стала её молитвой, мантрой, которая удерживала рассудок на грани полного крушения. Каждое техническое определение было якорем, связывающим её с миром логики и порядка, который когда-то существовал.

В старом спортивном магазине на противоположном конце торгового центра Марк занимал стратегическую позицию за перевёрнутой стойкой с экипировкой. Его крепкие руки, покрытые шрамами от бесчисленных драк и военных операций, методично проверяли и перепроверяли скудный арсенал оружия. Охотничий нож с зазубренным лезвием, лом с отколовшейся краской, его собственные кулаки – орудия выживания в мире, где сила определяла право на существование.

Марк провёл пальцем по лезвию ножа, проверяя остроту металла. Клинок отражал слабый свет, и в этом отражении он видел призраки прошлого – лица товарищей, погибших в далёких сражениях, взгляд сестры в последний раз, когда он её видел. Его челюсти сжались, и он отогнал воспоминания силой воли, которая закалилась в тюремных камерах и на полях боя.

«Сорок два патрона для дробовика, но самого ружья нет», – пробормотал он, подсчитывая боеприпасы, разложенные перед ним аккуратными рядами. Его голос был низким, почти звериным рычанием, отшлифованным годами молчания и внутренней ярости, которая тлела в его груди как угли в печи.

В художественном магазине, где когда-то продавались мечты творческих людей, Аня создала свой безмолвный мир красок и теней. Её хрупкие руки, испачканные угольной пылью и остатками акварели, размашисто двигались по найденной бумаге, создавая изображения разрушенного мира с пронзительной точностью. Каждый штрих был криком души, которая не могла выразить себя словами, но находила освобождение в визуальных образах.

Её последние эскизы были разложены на полу как карты таро, предсказывающие насилие. На одном рисунке – силуэт мужчины с окровавленными кулаками, стоящего над поверженным врагом. На другом – женщина в лабораторном халате, протягивающая руки к пустому небу. Третий изображал мальчика, окружённого манекенами, его лицо светилось невинной радостью среди мёртвого пластика.

Аня не слышала звуков торгового центра, но она чувствовала вибрации, улавливала изменения в воздушных потоках, замечала мельчайшие движения в периферийном зрении. Её глухота превратилась в сверхчувствительность других органов чувств, делая её живым радаром в мире, полном скрытых угроз.

По главному коридору торгового центра бродил Данте, его мягкие черты лица светились детской радостью, которая казалась кощунственной в этом храме потребления, превращённом в склеп. Он расставлял упавшие манекены в разговорные группы, его неуклюжие движения были полны нежности и заботы.

«Доброе утро, Элизабет», – обращался он к пластиковой женщине в рваном платье, бережно поправляя её парик. «Видишь, как красиво светит солнце через окно? Оно говорит нам, что сегодня будет хороший день».

Его голос звенел искренностью, которая отражалась от пустых витрин и терялась в лабиринте заброшенных магазинов. Данте не понимал иронии своего существования – он, отвергнутый обществом за свою особенность, теперь дарил человечность пластиковым имитациям людей в мире, где настоящие люди стали более жестокими, чем любые манекены.

Никто из четырёх выживших не признавал присутствия остальных, их взаимная изоляция была осознанным выбором, рождённым из опыта предательства и потерь. В этом мире каждый незнакомец мог оказаться убийцей, каждая протянутая рука – ловушкой, каждое доброе слово – приманкой для наивных.

Утренний туман за пределами торгового центра колыхался, как призрачное море, когда из него выплыли шесть фигур. Они двигались с непринуждённым изяществом хищников, которые открыли, что крах цивилизации вознаграждает жестокость больше, чем милосердие. Их ломы и заржавевшие ножи ловили раннее солнце, блестя как хищные зубы в пастьях голодных зверей.

Вожак, шрамированный гигант с почерневшими ногтями и мёртвыми глазами, жестом указал своей стае распределиться по многочисленным уровням торгового центра. Они охотились за припасами, но спорт мотивировал их больше, чем необходимость. В их движениях читалась привычка к насилию, удовольствие от страдания, садистская радость от разрушения всего, что ещё сохраняло красоту или надежду.

«Разделяемся», – прорычал вождь, его голос был грубым шёпотом, отточенным годами причинения боли. «Кто найдёт живых – делится со всеми. Медленно и весело».

Атака началась без предупреждения и переговоров. Вожак направился к магазину электроники, где спряталась Лейла, его огромные руки сжимали лом как дубину палача. Двое его подручных пошли к спортивному магазину, их лица исказились предвкушением крови. Остальные трое рассыпались по торговому центру, выискивая добычу среди теней и обломков.

Лейла услышала скрежет металла о металл за секунды до того, как её стеллажная крепость предала её. Лом нашёл слабое место в конструкции, и металлические опоры начали раскачиваться под давлением. Электронные компоненты посыпались дождём, их острые края царапали её кожу, пока тяжёлая полка не рухнула, придавив её ноги к полу.

Её крик пронзил тишину торгового центра как сирена, звук чистого ужаса, который отражался от пустых витрин и терялся в лабиринте коридоров. Это был не просто крик боли – это был вопль учёного разума, столкнувшегося с грубой реальностью физического мира, где знания не могли защитить от ломов и кулаков.

«Помогите!» – её голос дрожал от паники и унижения. Женщина, которая когда-то читала лекции перед аудиториями в сотни человек, теперь молила о помощи неизвестных, как беспомощный ребёнок.

Военные инстинкты Марка сработали раньше сознательной мысли. Его тело уже двигалось к источнику крика, нож был в руке, мышцы напряглись для боя. Но три мародёра преградили ему путь, их лица расплывались в хищных ухмылках при виде свежего насилия.

«Посмотрите, что у нас тут», – протянул один из них, крутя в руках ржавый нож. «Герой спешит на помощь даме».

«Да он же военный», – заметил второй, разглядывая шрамы на руках Марка и его боевую стойку. «Интересно, как долго он будет кричать».

Ярость Марка прорвалась как плотина под давлением весеннего паводка, но это была контролируемая ярость, подкреплённая хирургической точностью. Он сломал руку первого нападающего техникой рычага, которая щёлкнула кость с клинической эффективностью. Мужчина завопил, его лом со звоном упал на треснувшую плитку пола.

Но двое других прижали атаку, и работа ножом Марка вскрыла их плоть, пока их лезвия находили его рёбра и плечо. Его кровь текла свободно, смешиваясь с их кровью на битой плитке торгового центра. Каждый удар был просчитан, каждое движение – частью смертельного танца, которому его научили в далёких войнах.

Он добрался до позиции Лейлы, его окровавленная рука протянулась к её застрявшей фигуре. Её научный ум воевал с инстинктом выживания – она отчаянно нуждалась в помощи, но принятие помощи от этого окровавленного незнакомца казалось моральным осквернением.

«Мне не нужна ваша помощь», – выдохнула она сквозь стиснутые зубы, даже когда обломки опасно смещались над её головой. Ярость Марка пугала её больше, чем мародёры; она видела только убийцу, а не защитника. «Я справлюсь сама. Я всегда справлялась сама».

Но её слова звучали пусто даже для неё самой, когда металлическая конструкция скрипнула угрожающе, готовая обрушиться и раздавить её под своим весом.

Глухота Ани стала тактическим превосходством, когда она двигалась по теням торгового центра с совершенной бесшумностью, её глаза художника каталогизировали угрозы и возможности с визуальной точностью. Она заметила двух мародёров, пытающихся обойти позицию Марка с фланга, и жестикულიровала отчаянно, её движения были резкими от срочности.

Но Данте, выходящий из своих разговоров с манекенами, совершенно неправильно понял её сигналы. Его простой ум не мог обработать концепцию немедленной опасности – он подошёл к одному из фланговых мародёров с характерной невинной улыбкой, спрашивая, не ранен ли мужчина, потому что он так странно держит нож.

«Дядя, у вас болит рука?» – спросил Данте с искренней заботой, его широко открытые глаза не видели угрозы в поднятом клинке. «Может быть, вам нужен пластырь? У меня есть красивые, с картинками».

Мародёр заколебался, сбитый с толку этим простодушным подходом, его оружие дрогнуло на решающие секунды, которые нужны были Марку для удара. В мире, где каждый встречный был потенциальным врагом, чистая невинность Данте действовала как магия, заставляя даже закоренелых убийц останавливаться в недоумении.

Защитные иллюзии Данте о человеческой природе разлетелись вдребезги, когда он стал свидетелем того, как лезвие Марка скользнуло между рёбер незнакомца, увидел, как свет умирает в глазах человека, почувствовал, как тяжесть насилия оседает над торговым центром как погребальная пелена.

«Дядя?» – прошептал Данте, его голос дрожал от непонимания. «Дядя, почему вы не встаете? Я хотел показать вам красивые облака на потолке».

Дрожащие руки Ани зарисовывали окровавленные пальцы Марка даже во время бушующей битвы, её уголь схватывал как жестокость, так и защиту в этих шрамированных костяшках. Её глаза художника видели за пределы крови точные движения, способ, которым он располагал себя между угрозами и невинными. В каждом его жесте читалась не просто ярость, но и глубокая потребность защищать тех, кто не мог защитить себя.

Приступ паники Данте начался как отсроченная реакция – его грудь сжалась, дыхание стало отчаянными всхлипами, но его коллапс запустил что-то защитное в остальных. Лейла наконец приняла помощь Марка освободить себя, её научная гордость рассыпалась перед реальностью раздавленных ног и смещающихся обломков.

Ярость Марка уступила место нежной точности, когда он поднял стеллаж с заботой инженера, его окровавленные руки внезапно стали нежными. Последний мародёр бежал, когда его

товарищи пали, оставляя позади только металлический запах насилия и звук четырёх людей, тяжело дышащих в внезапной, ужасной тишине.

«Дышите медленно», – сказал Марк Данте, его голос внезапно стал мягким, лишённым военной резкости. «Считайте со мной. Один... два... три...»

Его большие руки осторожно коснулись плеч подростка, движения были удивительно нежными для человека, который только что убивал с хирургической точностью.

Лейла смотрела на них с новым пониманием, её медицинские инстинкты преодолели страх, когда она начала каталогизировать раны Марка с профессиональной отстранённостью. «У вас глубокий порез между третьим и четвёртым ребром», – сказала она, её научный тон возвращался как защитный механизм. «И рваная рана на левом плече требует немедленного внимания».

Аня наблюдала за тактическим интеллектом, который проявился в каждом из них во время кризиса, способ, которым они инстинктивно дополняли слабости друг друга. Её эскизы развивались в реальном времени, показывая не четырёх незнакомцев, но что-то приближающееся к семейному единству.

Данте чувствовал их коллективную боль как физический вес, давящий на его грудь, его эмпатическая натура была переполнена травмой, исходящей от его новых спутников. «Вам всем больно», – прошептал он, его простые слова несли в себе глубокое понимание. «Не только от порезов. Больно внутри».

Тишина после насилия несла свой собственный вес, густая от знания того, что незнакомцы истекали кровью вместе. Марк прислонился к стене, его ножевые раны были глубже, чем гордость позволяла ему признать во время боя. Лейла видела за пределами своего отращения военную подготовку в его движениях – точные удары, способ, которым он очищал углы, защитное позиционирование.

«Вы служили», – сказала она, это было утверждение, а не вопрос. «Специальные силы, судя по технике ближнего боя».

Марк кивнул, его глаза всё ещё сканировали торговый центр на предмет угроз. «Рейнджеры. Три тура службы, пока не получил медицинскую комиссию». Он не упомянул тюрьму, драку, которая разрушила его карьеру, сестру, которую он не смог защитить от её собственных демонов.

Аня наблюдала за разрушительной невинностью Данте, как его простое присутствие заставило убийцу колебаться, создало отверстие, которое спасло их всех. Её эскизы эволюционировали в реальном времени, показывая не четырёх незнакомцев, но что-то приближающееся к семейному единству.

«Он особенный», – написала она угольным карандашом на краю листа бумаги, показывая слова Лейле. «Он видит хорошее там, где его нет».

Данте, всё ещё пытающийся восстановить дыхание после приступа паники, смотрел на них всех своими широкими, честными глазами. «Манекены никогда не делают больно людям», – сказал он тихо. «Может быть, поэтому мне нравится с ними разговаривать. Они только слушают».

Лейла почувствовала что-то ломающееся в её груди – не от физической боли, но от осознания того, что этот мальчик, отвергнутый обществом за свою особенность, обладал человечностью, которую она потеряла в своей одержимости наукой.

«Я знаю о медицине», – сказала она Марку, её голос стал мягче. «Дайте мне осмотреть ваши раны. Я не могу позволить инфекции убить вас после того, как вы спасли мне жизнь».

Марк заметил тактический интеллект Ани, способ, которым она замечала угрозы и сообщала об опасности, несмотря на своё молчание. «Вы художник», – сказал он, глядя на её эскизы. «Но вы видите как солдат. Хорошие наблюдательные навыки».

Аня улыбнулась – первая настоящая улыбка, которую кто-либо из них видел за месяцы. Она быстро нарисовала четыре фигуры, стоящие вместе среди хаоса, их руки почти касаются друг друга, создавая цепь человеческой связи в разрушенном мире.

Данте понимал, что эти трое несут боль, похожую на его собственную, отличающуюся по форме, но идентичную по весу. Его особый дар чувствовать эмоции других людей больше не казался проклятием – здесь, среди этих разбитых душ, он мог быть полезным.

«Вы все потеряли кого-то», – сказал он с пронзительной простотой. «Я тоже. Но теперь мы нашли друг друга».

Торговый центр замолчал, кроме их затруднённого дыхания и далёкого звука отступающих шагов последнего мародёра. Манекены, которых расставил Данте, смотрели на них как безмолвные свидетели этого насильственного рождения чего-то, похожего на надежду, их пластиковые лица отражали утренний свет, который превратил четырёх изолированных выживших в начало семьи, выкованной в отчаянии и запечатанной травмой.

Они больше не были одиноки, но доверие оставалось хрупким, заработанным через общую кровь и взаимный страх. В этом храме мёртвого потребления, среди призраков того, что когда-то было цивилизацией, четыре повреждённые души сделали первый шаг к чему-то большему, чем простое выживание.

Что-то похожее на семью, рождённую в насилии и крещённую в крови чужих.

Глава 3. Аптечное исповедание

Аптечный отдел торгового центра превратился в импровизированный лазарет к тому времени, когда послеполуденное солнце начало клониться к западу, бросая длинные тени через трещины в потолочных окнах. Перевернутые стеллажи создавали лабиринт из разбросанных флаконов с таблетками, их содержимое рассыпалось по треснувшему линолеуму словно конфетти медицинского хаоса. Марк прислонился к опрокинутой витрине, его ножевые раны от утренней схватки продолжали сочиться через самодельные повязки с упорным постоянством. Лихорадка нарастала за его глазами подобно грозовым тучам, собирающимся над разрушенным горизонтом, но военная гордость удерживала его в вертикальном положении, позволяя сканировать периметр всё более затуманенным взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.